

Казнь

Роман

Глава первая

На повороте, где дорога выписывала петлю над самым обрывом, Ирена остановилась. Вышла из машины, чтобы посмотреть на туман.

Провал начинался сразу же за полосатыми столбиками дорожной разметки. На дне провала сидело самое настоящее облако — даже на вид плотное, струйчатое, медленно перетекающее само в себя. Серые ложноножки, поднимаясь над краем провала, таяли в лучах восходящего солнца — сквозь расплывающиеся лохмотья проступали горы, дальний лес, красная крыша маленькой кофейни, до которой еще десять минут езды...

Из-за поворота осторожно — а в этих горах все ездят осторожно — выглянула мелкая синяя легковушка. При виде созерцающей Ирены притормозила, остановилась; из-за руля выбрался лысеющий мужчина — Ирена его где-то уже видела. Впрочем, в этих местах все когда-нибудь встречаются, людей-то не так уж много...

— Что-то случилось с машиной? Вам помочь?

Над опадающими клочьями тумана летела, мерно взмахивая крыльями, белая птица. Лес проступал яснее — он тянулся с горы на гору, будто небрежно брошенная шаль.

— Э-э-э... Извините за беспокойство...

Она очнулась:

— Нет-нет... спасибо. С машиной все в порядке.

Мужчина нерешительно топтался на месте. Вероятно, бранит себя за неуместное рвение. И боится показаться глупым.

Туман таял. Скоро проявятся валуны на дне провала и ручей между валунами.

— Спасибо, — повторила она, думая о другом.

— А говорят, — неожиданно сказал мужчина, проследив за ее взглядом, — говорят... Знаете эту примету?

На красную крышу кофейни легло солнце, отчего черепица засияла, будто мак.

— Говорят, — мужчина кашлянул, — что, если в безлюдном месте долго смотреть в плотный туман, можно увидеть Создателя. Он ходит в тумане, как в облаке... Вы не Создателя случайно караулите?

Ирене захотелось кофе. Она вообразила маленькую фарфоровую чашечку с петелькой ручки, такой крохотной, что иначе как двумя пальцами за нее не взяться...

А до кофейни еще десять минут пути!..

— Извините, — снова сказал мужчина, и через секунду за спиной Ирены заурчал мотор его синей легковушки.

— Нет, я просто люблю это место, — сказала Ирена в пустоту. — Красиво, правда?

Синяя машинка удалялась, виляя хвостом выхлопного дымка. Вероятно, в знак согласия.

* * *

Кафедра филологии помещалась в центральном корпусе — самом большом и пышном, с административными кабинетами, с каменными гарпиями, охра-

няющими вход. Ирена терпеть не могла ни администрацию, ни гарпий.

Она опоздала на десять минут. Заведующая кафедрой демонстративно посмотрела на часы:

— Когда госпожа Хмель явится вовремя, я, наверное, поверю в скорый конец света...

Ирена не ответила. Села в углу у стола, достала записную книжку и принялась водить ручкой по пустым клеточкам.

— ...итоги нынешней сессии позволяют сделать выводы о...

Заведующая кафедрой, молодая блондинка, была похожа на крупного кудрявого ангела, голос имела приятный и глубокий, а рассудок трезвый и совершенно мужской; поколения студентов передавали друг другу ее неизменную кличку: Карательница. Ирена знала, что, будучи хоть при смерти, студент — если у него нет надежды помереть до начала ближайшей сессии — приползет к ней на лекцию, опасаясь неминуемых, неслыханных в своей жестокости санкций...

Половина неудачников, вылетевших из университета после первого же триместра, с полным основанием могли благодарить за это госпожу Карательницу. Что до кафедры, то те, кто уцелел на ней за последние пять лет, давно уже привыкли к вечной грызне на заседаниях.

Ирена водила ручкой по чистому листу. Сквозь бледный узор клеточек проступали очертания замка — половина башен обрушилась, и над донжоном вздымался огонь. Осадная башня, таран у ворот, полчища варваров, взбирающихся на стены...

Темпераментная речь госпожи Карательницы сменилась ядовитой тирадой длинного, как жердь, профессора восточной литературы; конфликт вспыхнул,

как куча промасленного тряпья, Ирена раздраженно поморщилась.

— ...А то, что за подачу работ на конференцию взяли именно вы! И как понять, что я и мои студенты узнали о ней за неделю, в то время как ваши успели подготовить три развернутых доклада?!

Ирена оторвала взгляд от горящего на бумаге замка.

В просторной комнате кипели страсти. На чахлах веточках комнатного лимонного дерева спокойно шил свои сети тощий, болезненного вида паучок, — зато у профессора восточной литературы тряслись губы и летела слюна изо рта. Ирене казалось, что между профессором и Карательницей выгибается вольвова дуга.

— ...Вы все сказали? Я спрашиваю, вы все сказали? Может быть, теперь вы некоторое время помолчите?!

В сравнении со склокой на кафедре даже горящий замок казался бледным, лишенным жизни, ненастоящим. Ирена пририсовала в уголке виселицу с пустой петлей — трагическая картинка приобрела и вовсе опереточный вид. Грустно покачав головой, Ирена перевернула страницу.

— ...Вот хотя бы и госпожа писательница!

Ирена нахмурилась. Помолчала, разглядывая пустой клетчатый листок; подняла взгляд. Все присутствовавшие на заседании почему-то смотрели на нее — только профессор, ухватившись за сердце, глядел в окно. Полагая, наверное, что один только вид свежего воздуха способен его успокоить.

— Вот кому я завидую, — с ноткой горечи сообщила Карательница. — Это у нас, господа, нервы. Все это нас касается. А у госпожи Хмель совсем другие интересы. И если в один прекрасный день весь наш инсти-

тут сгорит синим пламенем — госпожа писательница, вероятно, даже не обратит внимания...

Ирена представила себе языки пламени над административным корпусом. Осадная башня на клумбе, таран, сшибающий гарпий у входа, полуголые варвары, десятками гибнущие от рук госпожи Карательницы...

— Господа, — полная женщина-доцент постучала по стеклышку часов. — Не время ли закругляться?..

И только когда члены кафедры, облегченно вздохнув, высыпали в коридор, Ирене пришел на язык хлесткий и остроумный ответ.

* * *

— Ирена, вы меня подбросите? — спросил профессор восточной литературы. Он жил на окраине университетского городка и никогда не упускал возможности напроситься к Ирине в попутчики.

— Я ненавижу стерв, Ирена. О, как я ненавижу стерв. Моя первая жена была стерва... Знаете песенку — «как берутся стервы из хорошеньких невест»?.. И тем более приятно видеть рядом женщину, которая... Осторожно, автобус!!

У профессора была скверная привычка — он изо всех сил помогал Ирине вести машину. Всякий раз подпрыгивал на сиденье и в ужасе указывал на неминуемую, с его точки зрения, опасность.

Автобусы вывернули из-за угла — их было три. У ворот общежития их поджидали: рюкзаки, баррикадой сваленные поперек тротуара, перегораживали дорогу пешеходам, а румяные студенты галдели и приветственно махали разноцветными спортивными шапочками.

— У людей каникулы, — завистливо констатировал профессор.

Ирена притормозила.

Прогулять лекцию госпожи Хмель считалось среди студентов обычным делом, зато и радость, с которой обычно приветствовали Ирену, была совершенно неподдельной. Выбравшись из машины, она сразу же оказалась в кольце — молодые люди, отгеснив девушек на задний план, дурашливо сражались за право поцеловать Иренину перчатку.

— Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

— Госпожа Хмель, поедemте с нами!

— Госпожа Хмель, разрешите поприветствовать...

Она, конечно же, не успевала ответить сразу всем — ограничивалась кивками и улыбкой. Ажиотаж понемногу спадал, кольцо ребят вокруг Ирены редело, и через несколько минут она осталась в обществе двух своих старинных почитателей — имен она, к своей досаде, никак не могла вспомнить.

— Госпожа Хмель, — нерешительно попросил высокий тощий очкарик. — Вы мне автограф... можно? Я специально за журналом гонялся... Тем номером, где ваша повесть...

Она смутилась, как бывало всегда, когда студенты заговаривали о ее публикациях. Кивнула.

— Говорят, скоро выйдет книжка?.. Госпожа Хмель, скажите, пожалуйста... — Очкарик замялся. — Почему у вас всегда все так плохо кончается?

— Так уж плохо? — Она усмехнулась, скрывая смущение. — Герой погиб — это, конечно, жаль, но ведь он знал, на что идет...

Парень покраснел:

— Дело не в том... Плохо, что его девушка вышла замуж за барона. Плохо, что... ну, в общем, это...

— Вы сознательно... м-м-м... расчленили образ романтической легенды? — негромко спросил второй, широкоплечий и мощный, но с детским круглым лицом.

— Совершенно сознательно. — Она посмотрела круглолицему в глаза, но он не смутился под этим взглядом. По-взрослому поджал губы:

— Получается, что это... разрушение романтики, приземление... Что это — ваш фирменный творческий метод?

Она задумалась.

Студенты суетились вокруг автобусов, очкарика кто-то дернул за рукав, а круглолицего окликнули; в машине нетерпеливо возился профессор.

— Мы поговорим об этом в будущем триместре, — сказала она, садясь за руль. — Счастливых каникул...

— И вам счастливо, госпожа Хмель... Пишите побольше...

— Бедные мальчики, — сказал профессор, когда автобусы скрылись из виду. — Женятся каждый на своей стерве — и станут как все... Вот скажите, Ирена. Когда я открываю книжку — я хочу отдохнуть, я хочу наркотика... А стерв мне и в жизни хватает...

— Не надо было с ней связываться, — сказала Ирена, вспомнив Карательницу.

— Нет, не то... Знаете, почему я не могу читать ваших рассказов? Потому что если дама в кринолине, а мужики в кольчугах и с мечами — мне хочется сказки, Ирена. Иного, так сказать, мира... мироустройства... чтобы были лесные духи, гномы там разные, кровавые войны, жестокие законы... любовь... А не бытовые, простите, разборки с печальным исходом.

— Я подумаю, — сказала она. И это не была отговорка — она действительно собиралась подумать,

а как ее мысли соотносились со словами профессора — дело третье.

— Вы только не обижайтесь...

Она притормозила перед профессорским домом.

— Ох, спасибо, Ирена... Желаю вам творческих успехов. И хоть немножко отдохните в каникулы...

— Спасибо. Вам того же...

Профессор поставил одну ногу на землю. Задержался, будто раздумывая, обернулся:

— Ирена... Вы напрасно думаете, что все мужчины в мире — самовлюбленные эгоисты.

— Я подуму... — начала она привычно, но вовремя спохватилась: — Я вовсе так не думаю.

Профессор печально потряс головой:

— Знаю... Ну что ж. До свидания.

* * *

Первое, что она сделала, вернувшись домой, — вытащила из-под кровати черепаху и положила ее на коврик в свете настольной лампы. Черепаха, похожая на закованного в латы рыцаря, смерила Ирену бессмысленным взглядом бусинок-глаз; черепаха не отзывалась на свое имя и никогда не шла на зов. Ирена держала черепаху просто так, для настроения.

Дворовый пес Сэнсей бил хвостом по доскам крыльца, умоляя впустить его в дом; Ирена исполнила его просьбу и только после этого подошла к телефону, чтобы проверить, кто звонил в ее отсутствие.

Ого! Два звонка от литагента и еще три — с незнакомого телефона.

Кто это, интересно, так настойчиво домогался беседы с госпожой Хмель?..

Она дала черепахе капусты. Потрепала Сэнсея по затылку, улеглась на диван и натянула плед до самого подбородка.

Хотя, честно говоря, следовало самой позвонить литагенту. Мало ли что, вдруг выгодный контракт...

«Разрушение романтики, приземление»... «Хочется сказки, Ирена... Иного, так сказать, мира...»

Надо было ответить так. Да, ничто не мешает всем вам верить, что там, в ином мире, лучше и интереснее... В чистом и честном мире, без зачетов, без Карательниц, без налоговой инспекции... Но вы ошибаетесь, потому что...

Закурлыкал телефон. Ирена вздохнула — на табло горел номер литагента.

— Да, я слушаю...

— Госпожа Хмель? Наконец-то... Вообразите себе, у нас есть покупатель на весь цикл об Осаде.

— Но он же еще не написан...

— Именно! Авансом, под заказ... Только, Ирена, ради Создателя, они просят побольше магии. Обязательно Темный Властелин, хотя бы на третьем плане. Они хотят фантазии, волшебников, артефактов, квестов, поединков... Ирена, вы помните, мы с вами уже не раз говорили...

— Я подумаю, — сказала она примирительно.

Литагент замолчал. Он достаточно хорошо успел изучить свою клиентшу, чтобы различать оттенки этой ее привычной фразы.

— Ирена... Назрел серьезный разговор. Где мы могли бы встретиться?

Она вздохнула:

— Я подумаю...

— Хорошо, — голос в трубке помрачнел. — Я перезвоню завтра утром...

— Конечно, — сказала она с облегчением и положила трубку.

Сэнсей вертелся вокруг кровати, ставил лапы на плед, и это было плохо, потому что известно, какие у него лапы — грязные...

...Вы напрасно верите, мальчики, что там, в этом честном мире, вы окажетесь среди сильных, найдете достойное вас место... Потому что те, кто действительно умеет находить такое место, — находят его в ЛЮБОМ мире... Они побеждают на выборах и ворочают миллионами и совсем не читают сказок. А потому вы обманываете себя, мальчики... А я вас обманывать не стану...

— Какие глупости, — сказала она вслух. — Тоже мне, проблема...

Снова — телефон. Нет, еще один звонок — и она отключит его...

Звонила приятельница. Не так чтобы очень близкая — но вполне приятная. Из тех, с кем приятно беседовать два раза в месяц и видеться два раза в год...

— Ирена? Что ты делаешь сегодня вечером?

— Сплю, — сказала она честно.

— Хочешь, мы заедем за тобой? Сегодня годовщина свадьбы Игоря и Янки, мы хотели...

Ирена с трудом вспомнила, кто такие Игорь и Янка. Ах да, тоже симпатичные люди...

— ...интересное общество. И несколько твоих читателей-поклонников, ты их еще не знаешь... Все очень хотят тебя видеть. Поедешь?

Ирена молчала. Голос в трубке несколько потерял уверенность:

— Ирена... ты ведь здорова?

Она подумала, что следует ответить «нет». Сказать-ся больной, чтобы никто не обиделся...

Вставать с дивана? Одеваться, делать макияж? Ехать куда-то, с тем чтобы вернуться за полночь с тяжелой головой, в запахе терпких духов и чужих сигарет...

Черепашка под настольной лампой флегматично двигала челюстями.

— Извини, — Ирена вздохнула. — Но я не поеду. Слишком много... — Она хотела сказать «пищи для размышлений», но в последний момент одумалась: — Слишком много... работы.

— Но ведь только один вечер! — Приятельница, судя по голосу, все-таки обиделась. — Мы ведь не так часто тебя... беспокоим!

— Извини. — Ирена знала, что через несколько минут после отбоя в голову к ней явятся веские доводы и остроумные оправдания, но выслушать их будет некому...

А Сэнсей и черепашка давно привыкли к ее монологам. И, возможно, знают все ее аргументы наперед.

* * *

Она подмела двор. Посмотрела, как садится за горы солнце; разожгла костер, попыталась по дыму определить погоду на завтра — и не определила. Сэнсей носился, отбрасывая задними лапами комья земли, и его восторг частью передался Ирене. В конце концов, уже почти весна...

Телефонный звонок вывел ее из созерцательного настроения. Телефон курлыкал долго и настойчиво — по дороге к нему Ирена насчитала пятнадцать звонков.

— Госпожа Хмель?

Тот самый незнакомый номер. И голос, что интересно, незнакомый тоже. Она ведь просила никому не давать ее номер...